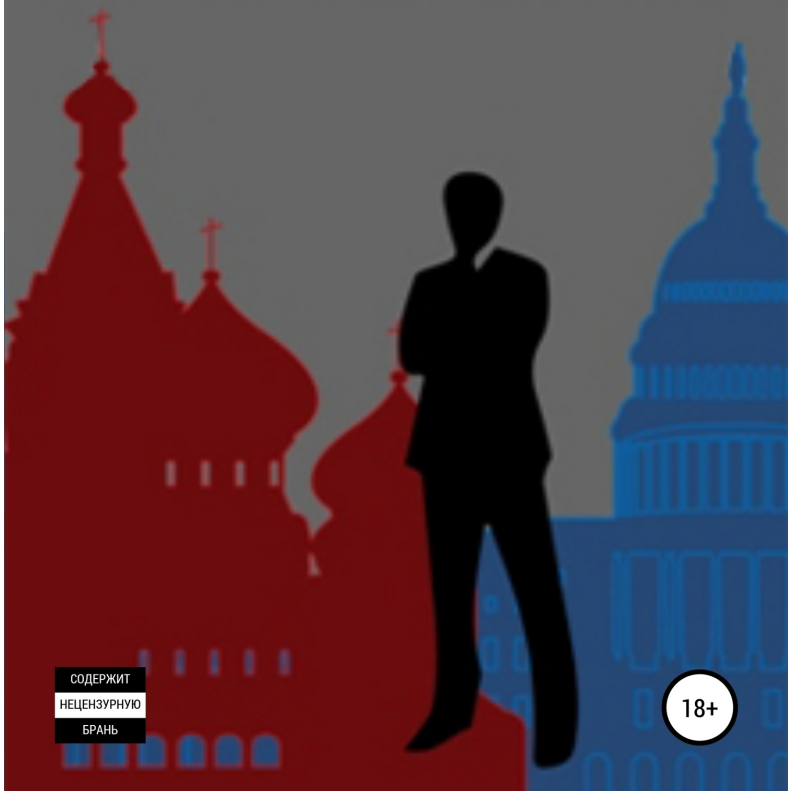

АНАТОЛИЙ СИГОВ
ИСТОРИЯ
ШПИОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Сигов
История шпиона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675907

SelfPub; 2019

Аннотация

Он забыл первое правило игры игроков на этом поле – не доверяй никому. Содержит нецензурную брань.

Центральное разведывательное управление США.
Отдел России и Европы.

Очередной документ появился на экране, и Джон Дашков напрягся, потому что ничего не смог прочитать.

– Опять всё напутали в аналитическом отделе!

Как и в любой бюрократической организации, здесь все недолюбливали друг друга. Каждый думал: «Чем они там занимаются? За что им только деньги платят? Вот у нас работа! А у них что?» Джон тоже так считал и регулярно в кругу своих посмеивался, когда рассказывали, куда иногда попадали важные документы.

Он понял, что текст был на испанском и нашёл в своём ПК переводчик, которым никогда не пользовался. Всё, что ему приходилось читать на работе, было на английском или на русском языках, и с этим у него не был проблем. Хотя он и родился в Америке, но в доме родителей всегда говорили по-русски, и это помогло ему после колледжа устроиться на нынешнюю работу.

Переводчик сработал быстро, и он стал просматривать документ, чтобы потом рассказать своим коллегам, как аналитики опять всё напутали и прислали чужую бумагу, но быстро понял, что на этот раз смешного рассказа не получится. Ему направили копию донесения агента с Кубы, в котором тот сообщал, что родственник Кастро, живущий в Чили, пе-

реписывался по Интернету с какой-то русской женщиной. К тому же только сейчас он заметил, что документ пришёл из их кубинского отдела.

– Да, ребята! За что вы платите деньги какому-то мудаку на Кубе? И за что вы сами деньги получаете?

Чили и Россия. Интернет. Дигитальная любовь. Ну, и что?

Про Чили он мало, что слышал, а вот о России знал многое. И понимал, что сделал большую ошибку, когда пошёл работать в ЦРУ. Эх! С его знанием русского, да попасть бы в Россию лет десять назад вместо того, чтобы идти в колледж! Сейчас был бы миллионером. В этом он был уверен. А здесь зарплата, которой едва хватало, чтобы расплатиться по счетам. У него, конечно, накапливался пенсионный фонд, да и неплохая страховка на всю семью. Но всё же это не сравнить с миллионом, который, он уверен, был бы у него уже в кармане, если бы он тогда уехал в Москву. Да, и девочками Россия всегда славилась. А о собственной семейной жизни даже не хотелось вспоминать. Но поздно. Поезд уже ушёл. И без него.

«И что же мне делать с милашкой, которая переписывается с родственником Кастро?»

Проще было бы забыть об этой мути, но об информации могли вспомнить в их кубинском отделе и запросить, что было сделано. Так у них бывало. Кто знает, как они собирались поработать с родственничком самого Кастро. Надо обезопасить себя. Джон Дашков потянулся на стуле и шлёпнул паль-

цем по клавишам.

На экране возникли файлы с Интернет перепиской парочки.

«Это вам только кажется, что вы уничтожаете ненужные письма из социальных сетей. Ошибаетесь! Мы сохраняем всё то, что вы уничтожаете. Потому что Интернет – это мы».

Он заглянул в один из них. Оказалось, что там было много килобайт, и все на испанском.

«А что, в России уже говорят по-испански? Эта шпана засрала всю Америку и уже добралась до России?»

Но вслух говорить об этом не полагалось. Так можно и работу потерять.

– Марк! А что, в Москве девочки говорят по-испански?

Марк два года проработал под прикрытием в посольстве.

– Там есть бляди, которые говорят на трёх языках. Но очень дорогие! Твоей зарплаты не хватит.

Марк знал! После возвращения в Штаты он шумно развёлся с женой и полгода ходил как пришибленный.

– Ну, ты-то брал с Ленинградского шоссе. Там дешевле.

Это был третий, который тоже какое-то время просидел в посольстве. Марк не стал утруждать себя ответом. Он не отрывался от своего экрана.

Тема для разговора была исчерпана. Ещё оставалось немного времени до окончания рабочего дня, и можно было позволить себе покопаться в подноготной русской бабёнки. Джон поработал мышью.

«Ого! А, дамочка-то ездила на отдых в Испанию, Грецию, Францию, ещё раз в Испанию».

Она получала визы на въезд, поэтому эти страны по договорённости передавали информацию в США.

«Хорошо живут девочки в России!»

А Джон дальше Флориды в отпуск не выезжал. Да, и был там лет 8 назад. Потом пошли дети, выплаты по кредиту за дом и за машину. Стало не до поездок. А тут Испания с Францией!

Джон вывел на экран фотографию из паспорта дамочки-путешественницы.

«Симпатичная мордашка!»

Он прикинул, а как бы его жена Мегги выглядела на фотографии в паспорте, и настроение у него упало. Да, и заграничного паспорта у неё никогда не было. Им не до поездок. Съездить на уикенд на озеро в Северную Каролину раз в полгода – это предел их возможностей.

Год и место рождения. И больше ничего в их базе данных.

«И как? Ты одна ездила в Испанию?»

Оказалось, что нет. С мужем – Шаровым В. П.

«И кто же счастливый супруг милашки? Что у нас есть на Шарова В. П?»

Оказалось, что кое-что имелось. Фотографии и заметки из газет, изложения выступлений, упоминания о нём в электронных информационных изданиях. Шаров В. П. оказался депутатом Государственной думы. В базе данных было всё,

что насобирали о нём сотрудники ЦРУ, пока протирали штаны в кабинетах посольства в Москве, имитируя работу, как его сосед по офису.

– Марк! А депутаты Думы хорошо живут в России? Путешествуют за границу?

– Не хуже, чем наши конгрессмены. Оттягиваются по полной программе. VIP обслуживание. Всё включено.

Марк уже надевал пиджак. Его рабочий день закончился.

«И что же тогда милашке надо от кубинской шишки в Чили? Она же всё имеет у себя в России».

Тут ничего не сходилось. Если бы русские собирались поиграть с кубинцем, то не использовали бы жену депутата. Подставили бы кого-нибудь попроще. Девуцу без имени. Если кубинцы затеяли игру против своего, то русская красавица тоже не вписывалась в картину.

Он взглянул на часы.

«Так! Служба родине закончилась».

Теперь предстояла стандартная процедура: разослать копии документа Министерству внутренней безопасности, ФБР, военным, в их отделение в посольстве в Москве. Всего в 15 адресов.

«Думайте, ребята! А мне пора домой».

Завтра он уже и не вспомнит о милашке с её мужем-депутатом. Пойдёт поток других докладов, меморандумов и сообщений, которыми все 15 государственных организаций заваливали друг друга, изображая бурную деятельность на ни-

ве защиты родины. Но это будет уже завтра.

А сегодня Джон Дашков отключил свой ПК.

Сентрвилль, штат Виржиния, США.

Свен Андерсен затаился сигареткой, стоя у въезда в свою авторемонтную мастерскую на окраине городка. Рабочий день заканчивался, и сегодня новых клиентов больше не предвиделось. Да, и не надо. Не до них сейчас. Он бы их и не принял. До начала сеанса оставалось всего десять минут.

Жители городка знали его как малоразговорчивого шведа, который был известен тем, что ремонтировал машины, за которые не брались в других мастерских. Иногда пригоняли даже тракторы с соседних ферм. Копаться и разбираться в двигателях его научил отец, который сам держал на ходу их старенькую «Копейку», которая по всем расчётам должна была давно закончить свои дни на свалке. Поэтому вместо того, чтобы менять двигатели, как советовали владельцам развалюх в других мастерских города, Свен просто перебирал их и экономил хозяевам сотни долларов, создавая себе репутацию надёжного механика. Но репутация не спасала от роста цен и снижения активности в экономике. За последние кризисные годы многие из деловых предприятий в городе закрылись, и хозяева исчезли. На его бизнесе это тоже отразилось. Все экономили, как могли, и клиенты пропадали один за другим. Только лишь деньги из Москвы по-

могали ему держаться на плаву.

Хозяином автомастерской он стал случайно. Когда о нём забыли в Москве и перестали передавать деньги на жизнь, ему пришлось вспомнить то, чему учил отец, и он устроился помощником к автомеханику. Хозяин подолгу болел, и постепенно он остался единственным, кто продолжал работать в мастерской. Как-то незаметно подвернулась дочь хозяина, которая вскоре забеременела, и он оказался женатым и во главе семейного бизнеса после смерти тестя. Потом пошли дети, выплаты по кредитам, проблемы с мастерской. Он целые дни проводил за работой, а когда приходил домой, видел одну и ту же картину. Жена пробежала мимо с криком: «Опаздываю. Покорми детей!» и исчезала. Она работала медсестрой в ночную смену и почему-то всегда туда опаздывала. Свен её практически не видел, потому что днём он работал, а жена отсыпалась. Дети, две девочки, незаметно подросли, и у них была своя тинэйджерская жизнь. Так под одной крышей стали обитать четыре индивидуума, которым не было никакого дела друг до друга. У каждого были свои заботы. Постепенно сложилось так, что и жена, и девочки стали проходить возле него, как мимо пустого места, когда встречали в доме. Спрашивать о том, как у них идут дела, было бесполезно. Единственным ответом было: «Всё в порядке». Подозревал, что не так всё здорово, но что он мог сделать? «Разговоров за жизнь» в этом семействе не предполагалось. О нём вспоминали лишь изредка:

– Пап! Дай денег! Очень нужны.

Шли к нему, потому что он безропотно давал им на карманые расходы, а жена в таких случаях всегда пускалась в крик, что они не могут позволить себе столько тратить.

Только раз в году, в апреле, Свен позволял себе расслабиться, когда брал бутылку водки, садился на их малюсеньком заднем дворе рядом с жаровней для барбекю, которая изображала для него костёр, потому что за открытый огонь грозил немислимый штраф. В апреле был день рождения бати, и он, выпив дозу, глядел на звёзды и вспоминал о том, как вот так же смотрел на небосвод из открытой двери «Ваза», пока отец с дружками о чём-то басил у костра после ухи под водочку. А потом батя расталкивал его на рассвете. Вставать не хотелось, но он заставлял себя. Они ставили удочки, а над рекой поднимался предрассветный туман. Стояла тишина, от которой звенело в ушах. Такое не забыть никогда!

Потом был институт в Рыбинске. Благодаря природной памяти ему легко давался английский. Перед окончанием какие-то дяди беседовали с ним с упором на патриотизм. Начиналась перестройка с неопределённостью в трудоустройстве, и он согласился. Затем был Институт внешней разведки КГБ, английский и шведский язык. Попал маленький городок в Швеции, где бродил, запоминая, где он якобы учился, и какую церковь посещали его родители. Переезд в США и натурализация. В это время по телевизору стали показывать жуткие кадры из СССР о старушках, торгующих барахлом

в переходах, людях на баррикадах, толпах, сваливающих памятники. Денежный ручеёк из Москвы иссяк, и пришлось думать, как зарабатывать себе на жизнь. Так он оказался в автомастерской в городке поблизости от Вашингтона.

О нём вдруг вспомнили два года назад, и как раз вовремя, потому что он уже собирался закрыть мастерскую и объявить банкротство. Пошли инструкции и деньги, на которые ему удавалось всё ещё поддерживать на плаву свой бизнес. За ним закрепили лишь один «ящик» в пригороде Вашингтона, куда он ездил раз в неделю. Вот и сегодня, как его в своё время обучили в школе КГБ, после проверки местности он выкопал из-под желтых листьев в парке пакет и оставил другой, очевидно, с деньгами. Российская Служба внешней разведки работала по старинке, как бывшая КГБ.

Свен Андерсен посмотрел на часы, загасил сигарету и тщательно запер все двери. Затем он достал отвёртку и отвинтил заднюю крышку старенького приёмника, стоявшего в мастерской. Внутри находилось входное отверстие для флешки, которую накануне вынул из тайника в парке. Нажал на кнопку на передней панели, и сообщение пошло. Затем он вторично проделал ту же самую операцию, как того требовала инструкция, которую прислали из Москвы вместе с приёмником. Задняя крышка вернулась на своё место. Достал паяльную лампу и расплавил флешку. Его функции на этом завершились. Дальше пусть разбираются в Москве, а ему пора домой.

В это время над Северной Америкой пролетал российский спутник-шпион.

Служба внешней разведки России.
Отдел США.

На этот раз компьютерная сеть работала. Их начальство не хотело отставать от технического прогресса, и понаставило массу электроники, половина из которой не функционировала или просто простаивала потому, что никому не была нужна. К тому же происходили постоянные сбои, в которых оперативные службы винили технические, а те, наоборот, обвиняли всех в некомпетентности.

Сегодня шёл материал, который передал их новый агент из Ленгли. Он был непроверенным, и по установленной процедуре всё то, что от него поступало, подвергалось сомнению и сравнивалось с донесениями других агентов. Чтобы не рисковать, на «ящик» для связи расконсервировали парня, который на много лет залёг на дно, и никто не знал, чем он дышит сейчас. Поэтому Борису Лавренёву поручили проанализировать, чего стоит новый агент, и как работает курьер. Даже из первых сообщений стало ясно, что америкос решил срубить бабла и валил без разбора всё, что попадало к нему на стол. Если бы с ними затеяли игру, то слили бы что-нибудь существенное, чтобы завоевать доверие, а не муть из мусорного ведра. Американцы работают по установленным

схемам.

Он раскладывал по файлам документы с пометкой «подлежит проверке», зная, что вряд ли кто-либо будет их проверять. Слишком несущественными они казались. Часть пришлось отправить по другим службам, как, например, о жене депутата Думы, которая переписывалась с каким-то кубинцем. Это – в ФСБ. Они должны заниматься жёнами.

Упоминание о жене депутата напомнила ему, что он должен позвонить своей собственной, чтобы узнать, к какому времени надо подъехать, чтобы забрать её с работы. Это поважнее, чем жена какого-то пенька из Думы. А мысли между тем переключились на Карину. Что-то у них сломалось. Уже восемь лет, как женаты, дочка скоро пойдёт в школу, на первый взгляд всё нормально. Но у него появилось ощущение, что в их малюсенькой квартирке повисла атмосфера тоски. Именно тоски, когда единственное, чего хочется – это, чтобы тебя не трогали, чтобы не требовалось отвечать на чьи-то вопросы, чтобы просто было тихо вокруг. Очевидно, это стала чувствовать и девочка. Начались капризы, она уткнулась в свои электронные игрушки, где, молча, играла часами напролёт.

– Приезжай к семи! – Буркнула Карина в трубку и отключилась.

А ведь раньше было не так. Её голос просто звенел, когда она отвечала ему по телефону. И всегда спрашивала, обеспокоенно:

– С тобой всё в порядке?

Почему-то считала, что у него опасная работа. Но это постепенно прошло, и теперь в её голосе слышалась просто усталость.

Борис думал, что необходима какая-то разрядка и летом повёз всю семью в Анапу. Выезжать за границу им не разрешалось. Но и из этого ничего не вышло. Отдых у моря превратился в цепь раздражающих происшествий и нестыковок, в которых они принялись обвинять друг друга. В конце концов, оба были счастливы, когда отпуск, наконец, закончился, и они сели в самолёт, чтобы лететь обратно. Анапа только усугубила ситуацию в их семейной жизни.

Мысли о том, каким образом следует встряхнуть Карину и как заставить её по-другому смотреть на мир и на него самого, были прерваны телефонным звонком. Внутренний и, как всегда, в самый неподходящий момент.

– Лавренёв! Зайди ко мне!

Его непосредственный начальник. Пришёл на два года раньше него, но уже успел подняться на одну ступеньку выше, и стал руководителем их секции. А в отношении себя Борис понимал, что у него самого такой перспективы не было. Как-то не получалось попасть в струю. Плюс требовалось необъяснимое нечто, что позволяло начальству смотреть на тебя как на перспективный кадр. И он осознавал, что это качество у него отсутствовало. Сидел-то он на хорошей стране. К Америке всегда самое пристальное внимание. По ра-

боте претензий к нему не было. Даже успел получить ещё одну звёздочку на погоны. Начальство говорило: «Толковый офицер». Но только и всего. На этом его характеристика и заканчивалась.

– Как у тебя с новичком? – Спросил шеф, когда Борис уселся у него в кабинете.

Агент был новым, и ему даже не успели дать кличку.

– Работаю. Выдаёт всякую мелочёвку. Пока ничего определённого.

В большинстве случаев уходили годы на выявление этого самого «определённого».

– Действуй побыстрее! Наши контрики полагают, что штатники затевают с нами какую-то игру. Надо быть насто-роже!

В их Управлении внешней контрразведки что-то пронюхали, но, как всегда, темнили.

– Они говорят, что полагается знать, с кем работаем. Поэтому давай, Боря! Составь на него справку! Надо просветить новичка насквозь.

А вот это уже задание неприятное. Вместо того, чтобы распахивать материал по файлам и забывать о нём, теперь придётся копаться и проводить сравнительный анализ с уже имеющимися у них данными. Нудная и потенциально опасная работа. Ошибку потом долго будут вспоминать. На его памяти один так ошибся, что его турнули с оперативной работы и сейчас сидел в хозяйственном управлении. Шофера-

ми теперь командовал.

– Теперь о тебе. Когда собираешься отчаливать?

Начальник откинулся в кресле, что предполагало неформальную, «дружескую» беседу. За тем и вызвал. Между собой сохранять секреты у них не получалось. Все и всё знали. Вот и его собеседник уже прослышал о том, что с Борисом имели беседу в кадрах. Говорили о его выезде в долгосрочную командировку в Америку для работы под видом атташе в посольстве в Вашингтоне.

– Пока неизвестно, – буркнул он в ответ, чтобы сойти с темы.

Это было правдой. Он для себя ещё не решил, пойдёт ли поездка на пользу ему и жене или во вред. Именно об этом Борис задумался, когда вернулся к себе. Он ещё ничего не сказал Карине об этом предложении. Вообще-то, он давно стоял в плане замены на это место, но не ожидал, что всё случится так скоро. Прошёл слухок, что у парня там нелады с женой, и в таких случаях ребят стараются убрать восвояси на родину, чтобы они не выкинули какую-нибудь глупость. Отсюда и вызов в кадры.

И вот теперь предстояло решить, что делать дальше. Конечно, для карьеры требовалось посидеть в одной из российских организаций за границей под видом сотрудника дипмиссии, но выезжать он должен не один, а с семьёй. Карина работала в страховой фирме. Не бог весть, на какой должности, и зарплата не ахти какая, но она была при деле. Было с

кем покурить и поболтать о том, кого повысили, а кого нет, кто с кем и против кого. В общем, обычные будни офисного планктона. И вдруг всё резко изменится. Там, в посольстве, таких развлечений не будет. Несколько женщин за копейки работают в консульстве, а остальные сидят по домам и обсуждают, что и где подешевле купить. Выходить в город без мужей не приветствуется, а они целый день на работе. С учётом обстановки, сложившейся в семье, было о чём задуматься. Как бы на почве бездеятельности и скуки у Карины не произошёл взрыв, и тогда уже будут срочно искать замену для него самого, и о карьере придётся забыть.

А тут ещё справку требуется писать. Он пытался сосредоточиться на новичке из Ленгли, но никак не мог. Ситуация с женой не выходила из головы. А её придётся решать. В кадрах от него ожидали ответа. И срочно.

Центральное разведывательное управление США.
Отдел России и Европы.

Рабочий день закончился. Джон Дашков дождался, пока закрылась дверь за Марком и вторым обитателем их кабинета, прежде чем надеть пиджак и выйти из комнаты. Он тоже давно был готов рвануть домой из своей конторы, по пути, как у них водится, заскочив в бар, куда по пятницам заезжали другие ребята в невысокой должности, как и он сам. Выпить бокал пива, при этом намеренно, чтобы слышали дру-

гие, заказав малоалкогольное. Игры со спиртным у них не приветствовались, и каждый присматривал за окружающими, чтобы в нужный момент шепнуть кому надо: «Так ведь он же...» Среди своих у них не было секретов. Знали всё и о каждом.

А покрутиться среди них по пятницам полагалась по двум причинам. Если кто-то избегал, то это вызывало вопросы: «А чего это он?» И второе. Верхнее начальство у них менялось часто, и с каждым новым корректировалась внутренняя «политика». Поэтому, чтобы уловить тенденции, надо было уметь слушать, что говорили другие и делать соответствующие выводы. Вроде бы, так, болтовня за пивком. Но интонации! Они могли сказать о многом.

Вот только сегодня пришлось слегка скорректировать планы. За час до этого раздался звонок, и голос, не терпящий возражений, произнёс:

– Джон! Зайди ко мне в пять тридцать!

Настроение у него тут же испортилось. Его начальник – Шон Макриди. Надо же! Опять в пятницу. Значит снова в субботу придётся срываться и ехать в тот проклятый парк, чтобы изображать там из себя придурка-шпиона и быть пешкой в чужих играх.

Он влился в поток сотрудников, которые отработали положенные часы на ниве защиты родины, и теперь отправлялись домой, чтобы насладиться заслуженным отдыхом. Пятница, и у лифта образовалась очередь. Все спешили, чтобы

дома засесть перед телевизором с бутылочкой пивка и чипсами и посмотреть свою любимую программу, предварительно поинтересовавшись у подрастающего поколения, как дела в школе, а у жены, как прошла неделя.

Джон воспользовался лестницей, где шёл поток, спешащий вниз. Но, в отличие от них, он, сторонясь несущихся навстречу людей, поднялся на следующий этаж и прошёл по длинному коридору. Дойдя до нужной двери и оглянувшись, постучал и зашёл внутрь.

– Привет, Джон! Присаживайся! – Пригласил его начальник, Шон Макриди.

Второй уже были на месте. Они обменялись с ним быстрыми рукопожатиями. Молча и не глядя друг на друга. Отношения их организации с ФБР всегда были сложными, что отражалось и на сотрудниках. Среди своих рассказывали немало смешных историй о ребятах с Пенсильвания авеню, и во всех из них они выглядели не особо сообразительными. Скорее всего, и там были не очень высокого мнения о парнях из его организации. Но после 11 сентября они оказались под одним суперминистерством, и теперь всем приходилось делать вид, что они плодотворно сотрудничали в деле защиты отечества. По дурацкому стечению обстоятельств сложилось так, что Джон попал в переплёт между ними.

На столе лежал пакет.

– Так. Пришло время для новой закладки, – начал Макриди без предисловий.

Тоже спешил домой. Пятница!

– Отметочку они уже сделали.

Кивок в сторону второго.

С учётом личности связника, они по старинке чертили какие-то чёрточки на стене определённого дома, чтобы тот, проезжая мимо на машине, смог увидеть, что закладка на положенном месте.

Тут подключился второй:

– Теперь очередь за тобой. Завтра прямо из дома на точку!

И учти! Русские могут проконтролировать тебя по дороге от дома до «ящика».

В разговор опять вступил Макриди. Похлопал по пакету и сказал:

– Тут находится многое из того, с чем ты знаком, потому что документы проходили через тебя, но есть и кое-что дополнительно, что может их заинтересовать. Ты этого не видел. Просмотри и запомни!

Он протянул ему несколько листов бумаги. Опять они всё решили за него, а использовали его лишь в качестве курьера.

Дождавшись, пока Джон проглядел бумаги, опять заявил о себе второй:

– Всё запомнил? Ты должен знать, что передаёшь! На случай, если в дальнейшем тебя попытаются поймать, когда будут беседовать с тобой лично. Русские умеют вытрясти душу, если захотят! Есть вопросы?

Вопросов не было, и он промолчал, хотя бы так выразив

своё отношение к говорившему и к его лавочке.

Джона выбрали для игры по дезинформации русских, так как он был одним из тех, кто ещё не работал под прикрытием в их посольстве в России.

– Русские умеют составлять психологический портрет на тех, кто захочет на них работать, а кто нет. Тебя они не знают. Могут и клюнуть.

Так ему объяснили в своё время, почему выбор пал именно на него. Не потому, что он был умным или изворотливым, а просто потому, что русские его не знали. Было обидно слушать такое, но он стерпел. Сделал ошибку в молодости и не рванул в Россию вместо этой вонючей конторы, и теперь приходилось за это расплачиваться. Хотя бы тем, что из него делали простого посыльного. Пойди и заложь! И он пойдёт. А куда он денется?

Джон вопросительно взглянул на своего начальника, как бы мысленно говоря:

«Ну, всё, что ли?»

Тот утвердительно кивнул.

– Давай! Хорошего окончания вечера!

Джон стал подниматься с места и, как водится, пожелал того же Макриди, демонстративно обращаясь только к нему.

Когда направлялся к двери, услышал от второго:

– И не потеряй закладку в «Крокусе»!

Это было названием бара, куда он заходил по пятницам, и так фебеэровец решил уколоть его, показав, что, мол, мы всё

о тебе знаем. Реагировать на подобное не полагалось, и Джон молча закрыл за собой дверь. Вот только он успел заметить перед тем, как она захлопнулась, что оба всё ещё задумчиво глядели ему вслед. Хотелось бы ему услышать, что они стали говорить между собой. А о том, что они будут обмениваться мнениями именно о нём, у него не было сомнений.

С поганым чувством шёл быстрым шагом по коридору, чтобы побыстрее выбраться из этого здания. Чувствовал, что в этот вечер он не ограничится малоалкогольным пивом.

Сентрвилль, штат Виржиния, США.

Как всегда перед сеансом Свен Андерсен затянулся сигареткой и взглянул вдоль улицы. Он стоял перед входом в свою мастерскую, что делал уже много лет по вечерам перед тем, как закрыть ворота. С тех времён, когда жизнь в их городишке кипела, и клиенты шли один за другим. Но несколько лет назад что-то обломалось в системе, и это ударило по людям. Они перестали что-то покупать или ремонтировать автомобили. На их улице стали появляться одна за другой вывески о продаже недвижимости с припиской «Принадлежит банку», и это добавляло уныния для оставшихся собственников, которые думали о том, кто будет следующим. Его спасала от подобной участи только Москва.

В тот день утром он поехал, чтобы взять закладку из «ящика», так как на стене одного из домов, мимо которого

он регулярно должен был проезжать согласно инструкции, появилась отметка, что там должен находиться очередной пакет. Как учили его в школе КГБ двадцать с лишним лет назад, Свен, не торопясь, побродил по парку, проходя сначала в отдалении, а затем постепенно приближаясь к «ящику». Не найдя ничего подозрительного, направился к условному месту, и, пошарив рукой под мостиком через пересохший ручей, нашёл там пакет, положил на его место тот, который принёс с собой, и после этого также неторопливо пошёл к своему грузовичку.

И вот теперь предстояло воспользоваться той флешкой, которую он нашёл в пакете. Но оставалось немного времени, поэтому он по традиции проводил его перед воротами своей мастерской. Свен перевёл взгляд на дом наискосок на другой стороне улицы. Раньше хозяева держали там небольшой магазинчик стройматериалов, но вот уже год, как он закрылся, и они уехали куда-то в Техас. Здесь стройматериалы стали никому не нужны. Не те времена! Никто и ничего не строил и не ремонтировал. Его взгляд привлёк белый микроавтобус, который вот уже несколько дней стоял там на подъездной дорожке. Но не было признаков того, что магазин должен открыться.

«Наверное, родственники поставили».

А у него не выходила из головы история со старшей дочерью. Жена была в ночной смене, и он уже смирился, что по вечерам старшая являлась домой, когда ей вздумается. Око-

ло одиннадцати позвонили из ювенальной полиции и известили, что она сидит у них. Что-либо объяснить по телефону отказались, и он вскочил в свой грузовичок и помчался туда. Пришлось ждать почти три часа, накручивая мили от стены до стены по коридору, пока не появился ночной судья и не отпустил девчонку домой, назначив слушание дела через месяц. Её поймали в группе подростков, которые баловались марихуаной. Всю обратную дорогу он пытался вдолбить ей в голову, чем для неё это грозило – колледж, будущая работа, а в ответ слышал лишь унылое:

– Да, папа, да.

Но и оно вскоре прекратилось. Взглянув вбок, Свен увидел, что она заснула. Тогда он понял, что как отец, он уже не представлял для неё никакого авторитета, и дочь была для него потеряна. С горечью констатировал, что и для младшей дочери тоже. Жена? Ну, с ней не сложилось ещё много лет назад. Бизнес практически умер, семья стала чужой. И тогда он в первый раз подумал:

«А что меня здесь удерживает? В городе Сентрвилль, штат Виржиния».

Но тут появилась новая проблема. Из закладки, которую переслали из Москвы, извлёк компьютер, который требовалось освоить для передачи данных, так как традиционный метод посчитали слишком опасным из-за возможности засечь место выхода в эфир. Теперь предстояло переучиваться. Конечно, он использовал компьютер в повседневной дея-

тельности. Без него невозможно вести бизнес. Но не мог сказать, что он был компьютерным гиком. В социальных сетях не присутствовал, игралками не увлекался. Проблема состояла в том, что инструкцию прислали на русском языке, забыв, что он уже более двадцати лет им не пользовался. Одно дело – короткие сообщения из Москвы, в которых можно было кое-как разобраться, а вот с более сложными текстами были проблемы. Он уехал оттуда много лет назад, и многое позабылось. Как они там этого не понимали? Вот и занимался теперь тем, что по крупницам осваивал основы новейших технологий. Благо времени было предостаточно, пока сидел в мастерской, поджидая клиентов.

Последний раз, затянувшись, взглянул на часы. Закрыв ворота и проверил все замки. Затем взялся за старенький приёмник и приступил к обычным операциям. Крышку снять, флешку вставить, нажать на кнопку, потом ещё раз, крышку на своё место и избавиться от флешки. Но скоро придётся эту процедуры забыть и войти в технологический век. Так решили в Москве.

В это время над Северной Америкой пролетал российский спутник-шпион.

Служба внешней разведки России.

Отдел США.

Справочку он составил по форме, которая требовалась

для их Управления контрразведки. Никто из его подопечных не подпадал под определение двойника. Ну, конечно, имелись определённые сомнения в отношении новичка из Ленгли, но пока его информация совпадала с донесениями других агентов, и у Бориса Лавренёва не было оснований подозревать его в двойной игре. Но контрики настаивали, и его собственное начальство нервничало. Не хотелось быть крайними. Они заинтересовались парнем, которого расконсервировали для связи и который числился у них под кличкой Артур? Её присвоили ему ещё в те времена, когда Борис ходил в детский сад, и с тех пор тот обосновался в какой-то провинциальной дыре и занимался ремонтом автомашин. Нет сомнений. Идеальное прикрытие для нелегала. Сидит тихо, не мелькает, имеет собственный бизнес. Поэтому его и решили расконсервировать для связи с новичком из Ленгли. Но с другой стороны, чем он дышит после стольких лет жизни в Штатах? Поэтому и Артур, и его контакт попали под подозрение, и на Бориса взвалили миссию присмотреться к ним. Но объективных причин для сомнений пока не было, и пришлось дать заключение, что на данный момент у него не было подозрений. Но всё же это «пока» у него в докладе просматривалось. Он тоже не хотел быть крайним.

И ещё приходилось задумываться о своём будущем. Прежде, чем сказать Карине о предложении, которое получил в кадрах, встретился и посидел за бутылочкой с её отцом. Тот всю жизнь проработал у них на эксплуатации

и обеспечении. Сначала при КГБ, а потом и в СВР, когда СССР развалился. Дослужился до полковника. Судя по квартире и по даче, хорошо поработал на благо родины. Теперь он в отставке, но крутился в какой-то лавочке, и, судя по всему, неплохие бабки имел на этом. Именно благодаря ему, Борис после того, как женился на Карине, попал в их организацию, да ещё и в перспективный отдел США. Старый служака умел использовать в свою пользу положение на снабжении.

– Знаешь? Будь осторожен! – Сказали тогда тесть, наливая по рюмочкам. – Одно дело в Африку, а другое дело в Штаты. Тут замри и не шелохнись! Знаешь, сколько желающих на такое место? Если найдут хоть какую зацепку, то быстро скovyрнут. А у нас, сам знаешь, как это легко делается. Скольких уже на моей памяти поймали ни на чём. Просто мешали кому-то продвинуть своего и всё. И убирали их в лучшем виде.

И вот теперь могли поймать и его. Это в том случае, если он ошибётся в оценке. Не вовремя подвернулся Артур со своим цеэрушником. Такое не простят. И куда он пойдёт, если «сковырнут»? Тесть во второй раз уже не поможет. Он теперь на обеспечении совсем в другом месте.

К его удивлению Карина восприняла новость «на ура». А Борис просто видел по её реакции, как она уже воочию представляла себе, как шепнёт кому-то из своих во время перекура на работе о том, что уезжает в Америку. Он знал, что

никакие его предостережения о том, чтобы не болтала, не помогут. И от разговора о сложности жизни для жён посольских работников за границей она отмахнулась. Какие сложности? Там, в Америке, разберутся. Просто не представляла себе тот затхлый мирок, в котором ей предстоит обитать, когда нет работы, нет родственников и друзей, нет общения с приятными тебе людьми, а только с теми, кто находится на твоём уровне в посольской иерархии. Много чего она не представляла себе.

– Мы там будем ходить на приёмы. Да?

Борис, как мог, пытался объяснить ей, что он едет на низшую должность атташе в посольстве. Какие приёмы? А о том, что на самом деле, прикрываясь диппаспортом, он будет исполнять совсем иные функции, рассказывать ей и вообще не стоило.

Вообще, его жизнь начинала основательно меняться. Теперь помимо основной работы он стал ездить для стажировки в МИД, чтобы не выглядеть совсем уж позорно в качестве атташе в Посольстве. В их собственной организации с ним проводили беседы на разных уровнях руководства люди, много лет отсидевшие в Америке под крышей сначала советских, а потом и российских организаций. Некоторые совсем тусклые, а другие – блестящие рассказчики, от которых Борис услышал много полезного для себя. Все желали ему успешной командировки, жали на прощание руку, а когда он выходил из кабинета, садились писать в кадры справку со

своим мнением о новичке. Хотелось бы ему взглянуть, как они его характеризовали. После того, как в Америку сбежал полковник Потеев, да ещё и смог вывести с собой всю семью, начальство явно стал закручивать гайки, и кадры и собственная безопасность старались обложить максимальным количеством бумажек, чтобы в случае чего снять с себя ответственность. И отыгрывались они на них, на лейтенантах и капитанах, а перебежали-то, в основном, полковники.

В конце концов, Карина, кажется, начала осмысливать, как кардинально изменится её жизнь.

– Я посмотрела в Интернете. В Вашингтоне нет ни одного стоящего художественного музея.

А он подумал про себя:

«Какие к чёрту музеи? Думать надо о том, как прожить там три года и не сойти с ума. Так, чтобы не возненавидеть друг друга от постоянного обитания нос к носу».

– И работу я потеряю, – задумчиво протянула жена.

А вот это было опасной территорией. Она почему-то считала свою службу в страховой компании ужасно ответственной.

– Найдёшь другую, когда вернёмся.

– Попробуй, найди! Ты знаешь, какие требования сейчас предъявляются? А тут потеря стажа на целых три года.

У Бориса было своё мнение на этот счёт, но он предпочёл не высказывать его вслух. Решил действовать по-иному.

– Ну, что? Тогда не поедем вовсе, чтобы ты не потеряла

стаж?

– Нет, нет, – спохватилась Карина. – Ты же сказал, что тебе это важно для работы.

Но по всему чувствовалось, что эйфория первых дней прошла, и она стала оценивать их будущее более реалистично. Интересовалась школой для дочки, в какой квартире им предстоит жить. Борис понадеялся, что, может быть, смена обстановки пойдёт им обоим на пользу, но червь сомнения всё же сидел внутри, и он никак не мог от него избавиться.

Центральное разведывательное управление США.

Отдел России и Европы.

Джон открыл дверь. Те же люди внутри. Все на своих местах. И начальник, и тот тип из ФБР.

– Привет! Присаживайся!

На столе уже лежал готовый пакет.

– Почитай! И завтра на точку! Никуда по дороге не заезжай! Ну, ты сам знаешь.

Это был тот, из ФБР. Была пятница, и все торопились домой.

«Что-то зачастили эти ублюдки», – со злостью думал Джон, направляясь с пакетом к лифту.

Мегги уже стала с подозрением относиться к его выездам на работу по субботам, хотя вслух пока ничего не говорила. Ну, не объяснять же ей, что он работал простым курьером у

каких-то придурков из ФБР.

– Ты чего? Бабу себе завёл на стороне?

В последний раз уже не промолчала, как раньше. И было непонятно, серьёзно спрашивает или стебётся. Пришлось ответить:

– Ага. По утрам в субботу. Самое время для баб.

Его Мегги заводилась, лишь курнув джойнт, и тогда проделывала в постели всяческие глупости, но подобные сессии проходили чрезвычайно редко, а в промежутках их сексуальная жизнь находилась на нуле, так как у неё всегда находились причины, чтобы отвергнуть его домогательства.

Правда, и у него были вопросы об её поездках для закупки товаров, на которые она с недавних пор стала смываться. Мегги работала мечендайзером в одном из магазинов розничной сети, и вот теперь ей поручали раз в неделю выезжать в один из пригородов Нью-Йорка для отбора продукции на складе поставщика. Оставалась там на один день, а на него ложились все заботы о детях и по дому. Пока Джон помалкивал об её путешествиях, но у него было ощущение, что что-то там было не так. И это давило на психику.

Ну, а план на пятничный вечер не отличался оригинальностью. Ему просто требовалось окунуться в водоворот людей, шума, музыки, болтовни о футболе и промочить горло, и Джон плюнул на предупреждение фебеэрешника. «Крокус» – конечно, не самое лучшее место для этого. Туда по старой традиции заезжали свои, чтобы, как и он, покурить-

ся и послушать последние сплетни о том, что происходило или ожидалось в их лавочке, а потом разъехаться по пригородам Вашингтона, где проживало большинство из сотрудников их организации. Поэтому приходилось держать себя в рамках с градусами и с количеством выпитого.

Как всегда по пятницам стоял гам, когда все говорили одновременно. На стенах на мониторах беззвучно показывали какой-то матч. Отойдя подальше от всех к стойке, Джон заказал себе австралийский Фёстер вместо низкоалкогольной мочи Мюллер, которую приходилось глотать, когда поблизости болтались сослуживцы. Ну, и добавил рюмочку водки, чтобы пивко пошло гладко. Глотнул Фёстер. Умеют же делать напитки на острове за экватором! И только после этого пошёл курсировать по помещению, чтобы найти знакомых.

– Джон! Как ты? Присоединяйся!

Несколько парней стояли вокруг столика. Некоторых он знал, других нет. И ещё пара девиц. Обсуждали какое-то последнее событие, а он даже не пытался включиться в беседу. Его мысли были далеко.

– Привет! Как дела? – Вдруг спросила его по-русски и с сильным акцентом одна из девиц.

А затем перешла на английский:

– Ребята сказали, что ты из русского отдела.

Он сфокусировал на ней свой взгляд. Нос длинноват, а так ничего из себя. Работала где-то в их лавочке. Своих он научился распознавать на расстоянии.

– Рут Рушковски, – представилась она, и пришлось назвать себя.

А та, между тем, стала громогласно рассказывать компании, как подрабатывала беби-ситером в русских семьях в Южном Бруклине, когда была студенткой в Нью-Йорке, и как неразумно те тратили деньги. Как однажды ей пришлось ночевать в гостиной, так как хозяева пошли на концерт какой-то Понамо... или Понаро... Ну, в общем, неважно. Вернулись в четыре утра оба пьяные и громко сокрушались о том, что заплатили 400 долларов в ресторане за концерт с ужином, но и этого не хватило и пришлось дозаказывать водку. И, вообще, как плохо там всё было. Потом уронили и разбили что-то, а с утра она не могла их разбудить, чтобы передать им детей, и чтобы они с ней расплатились. Последовали комментарии со всех сторон, а Джон промолчал, потому что тема была ему неинтересна. Он допил своё пиво и собирался тихо слинять.

– В русском отделе часто приходится сталкиваться с такими?

Компания переключилась на другую тему, и деваха уже обращалась непосредственно к нему. Пришлось признаться, что нет. Он больше общался с компьютером, чем с людьми. Хотелось ещё пивка, и Джон не возражал, чтобы поболтать немного. Когда разговорились, оказалось, что она числилась в Отделе корпоративных ресурсов. У них никто не мог понять, что это такое, и чем там занимались сотни сотрудни-

ков. Поговаривали, что это – отстойник для чьих-то дочек и отставных любовниц сенаторов, которые не годились для работы в частном секторе.

Рут поглядывала на него поощряюще. Ясно, что на данный момент была не при деле и находилась в свободном плавании по местам скопления мужиков на предмет поиска для себя бой-френда или просто партнёра на ночьку. Подумал, а что если... Ну, на пару часов. А о том, что женат, всегда успеет сказать. Но быстро остановил себя. Знал, что супружеская неверность в их организации рассматривалась как серьёзное нарушение протокола безопасности и конфиденциальности. Сотрудник, замешанный в адюльтере, мог подвергнуться вербовке или компрометации со стороны иностранного государства, что могло нанести ущерб интересам национальной безопасности. Поэтому вот так открыто взять Рут Рушковски на сегодняшний вечерок исключалась. Тем более, что она работала в их конторе.

Между тем, компания, как по команде, поднялась и стала расходиться. Их начальство было помешано на том, чтобы никого из сотрудников не обвинили в «сексуальных домогательствах», и им постоянно промывали мозги на эту тему. Сколько женщин-акул охотились за придурками в своих организациях, чтобы потом обвинить их в том, что те хотели их изнасиловать в своём кабинете или после подобных возлияний в баре! И целая генерация акул-адвокатов подстрекала женщин к действию, чтобы те потом поделились с ними

процентом от сумм компенсаций, полученных за моральный ущерб от организаций, где работали их жертвы.

– Увидимся, – произнесла Рут с интонацией, в которой можно было услышать и вопрос.

– Да, конечно, – ответил Джон, и прозвучало так, что его можно было понять по-всякому.

Когда ехал в машине домой, мысли опять переключились на завтрашний день, и на душе стало тоскливо. С утра в субботу обещали дождь. Представил себе, как ему придётся топтать по сырости, чтобы сунуть под пешеходный мостик в парке пакет, который ему передали накануне, и забрать оттуда другой, в котором, очевидно, находились деньги. Но пакет, не распаковывая, придётся сдать фебеэрешникам в понедельник.

«Интересно, а сколько тем, внутри?» – Обычно думал Джон.

У них знали, что русские хорошо платили.

Сентрвилль, штат Виржиния, США.

«Только не делать резких движений!»

Так его учили в своё время.

Свен стоял и курил у ворот в свою мастерскую. Если за ним наблюдали из белого микроавтобуса, стоявшего напротив, то они должны расслабиться. Всё идёт, как обычно. Ничего особенного.

В тот день утром он поехал забрать закладку из «ящика». Вокруг никого не было, и он направился к условному месту. И буквально в двадцати ярдах от «ящика» сработал «щекотун». Свен держал в кармане плоскую коробочку с детектором, который был настроен, чтобы улавливать частоты, на которых работали камеры видеонаблюдения, и начинать при этом вибрировать. Его передали с последним пакетом с деньгами и инструкцией.

Он, не убыстряя шага, прошёл по дорожке мимо «ящика», который находился под пешеходным мостиком, и побрёл дальше. Проходя мимо дренажной канавы, полной воды после дождя, незаметно выкинул туда детектор. Трудно было бы объяснить, почему он носил его с собой, если бы его тогда взяли. При нём остался лишь чёрный пакет, в котором, скорее всего, были деньги для агента, который, как оказалось, работал на ФБР. Но деньги есть деньги. Да. Он носил с собой свои собственные наличные в запечатанном пакете. В этом есть что-либо противозаконное? Нет. Имеет право.

Но никто его не взял. Казалось, что в округе не было ни души. Стояла дождливая погода.

По дороге домой припомнил историю, которая произошла несколько дней назад и которая теперь имела объяснение.

Какой-то мужчина пригнал в мастерскую свой Шевроле, чтобы Свен заменил ему водяную помпу. Он никогда его не видел, и посетитель явно был чужаком.

Помпу пришлось заказывать у дилера, а хозяин машины

сказал:

– Ничего. Я посижу тут у вас и поработаю в сети, чтобы не терять время.

И Свен оставил его в комнате для посетителей, которая примыкала к мастерской. Других машин на ремонте в тот день у него не было, и он занялся Шевроле. Когда стал оформлять документ на ремонт, в который должен вписать пробег, его опытный глаз заметил, что в кабине на передней панели справа от водителя раньше крепилось какое-то оборудование. И довольно большое по размеру и не похожее на обычный навигатор. Сейчас оно было снято.

Пока дожидался новую помпу, стал, не торопясь, снимать дефектную. Свен хорошо знал машины этой марки. Головки крепёжных винтов оборудования в моторе на заводе окрашивали в красный цвет. На помпе они тоже были красными, но краска слишком свежая. Как будто их покрасили просто вчера, и они не были покрыты пылью, как другие.

Тут его отвлекла какая-то дамочка, которая влетела через открытую дверь мастерской и сразу же затараторила:

– Ой! У меня машина встала прямо рядом с вами. Вы не посмотрите? Я так спешу.

Перед воротами действительно стоял Форд. Свен пытался объяснить, что для этого требуется поставить машину в мастерскую, но та не унималась:

– Ну, пожалуйста! Я очень спешу. У меня важная встреча с клиентом. Вы только взгляните! Может быть, вам удастся

её завести.

Дамочка тоже явно была не из их городка, и Свен понял, что так просто он от неё не отделается. Слишком настырная. Время было, и он вышел из мастерской к Форду, хотя это было против правил. Открыл капот и стал проделывать стандартный набор операций для таких случаев, а дамочка время от времени крутила стартёром, но всё впустую. Ему показалось, что один из проводов был как бы лишним, не заводским. Когда он стал с ним разбираться, дамочка стояла рядом и наблюдала. Потом вдруг сказала, сев в кабину:

– Попробую ещё раз.

И чудо! Машина сразу же завелась.

– Что я вам должна? – спросила дамочка выйдя из машины.

– Я ещё ничего не успел для вас сделать.

Она стала долго его благодарить, и всё никак не могла остановиться. Потом стала спрашивать, по какой дороге лучше выехать из города, хотя он видел у неё за стеклом навигатор. Даже забыла, что куда-то торопилась. Наконец, уехала, и Свен, повернувшись к дверям мастерской, успел увидеть, как в глубине закрывалась дверь, ведущая в комнату для посетителей.

«Наверное, клиент недоволен, что так долго везут помпу», – подумал он тогда и стал опять звонить дилеру. Но мужчина сидел в комнате, уткнувшись в свой компьютер и не обратил на него ни малейшего внимания. А кроме него не

было никого, кто бы мог зайти в мастерскую в его отсутствие.

Тогда он не стал ломать себе голову над этим странными, а вот теперь знал ответ.

Свен загасил сигарету и закрыл дверь. Теперь предстояло проделать операцию, которая предусматривалась в подобном случае. Он выключил свет, в темноте взял приёмник и паяльную лампу и положил их в пакет. За все прошедшие годы он так изучил все закоулки мастерской, что мог ходить по ней с завязанными глазами. И если тот мужчина поставил внутри камеру, то они ничего не увидят. Во дворе за мастерской, среди мусора он развинтил приёмник и, как полагалось, послал сигнал тревоги, а затем повторил его. Потом при помощи паяльной лампы превратил электронику в горку расплавленного металла, а корпус приёмника выбросил на помойку. Вряд ли они установили камеру на заднем дворе среди мусорных баков.

Чёрный пакет он ещё раньше разрезал на мелкие куски в туалете и спустил в унитаз, а деньги положил в сейф. Пусть докажут, что они не его.

В это время над Северной Америкой пролетал российский спутник-шпион.

Служба внешней разведки России.

Отдел США

Он взглянул на часы.

«Да. Карине придётся самой добираться до работы на метро, да ещё и везти дочку в детский сад на маршрутке».

Борис Лавренёв представил себе, как она сейчас чертыхалась и проклинала его работу. Дежурный выдернул его из дома посреди ночи. До работы в Ясенево он доехал в рекордное время. Улицы Москвы были почти пустынными.

Оказалось, что поступил сигнал тревоги от одного из курьеров, что предполагало ряд действий с его стороны. Надо было идти в секретный отдел, написать шифротелеграмму их резиденту в посольстве в Вашингтоне и подписать её у старшего дежурного офицера. Затем ещё одну в Канаду. Парень будет уходить из Штатов через их каналы в этой стране. Затем к приходу руководства составить рапорт о случившемся. Когда он закончил, уже рассвело, и ехать домой, и забирать жену было уже поздно.

«И что этот парень теперь будет делать? Рванёт или зарежется? Если вернётся обратно, то у него будет шок. Он уехал отсюда больше двадцати лет назад. С тех пор здесь многое изменилось».

Теперь предстояло решить, чем для него самого могла обернуться вся эта история. Он дал заключение, что контакт не вызывал сомнений. Это было действительно так. Сведения, которые передавал новичок, в большинстве своём совпадали с теми, которые уже имелось у них. И в данном случае ФБР отошло от привычной схемы сразу передать что-либо ценное, чтобы вызвать доверие к источнику. Поэтому его

ничего не насторожило, и Борис дал положительный отзыв. Могут ли придраться к нему самому? Хотелось бы думать, что нет. Не произошло ничего страшного. Артур подал сигнал в самом начале работы с новичком. Теперь он исчезнет, и эту историю вскоре забудут. Но как Борис не убеждал себя в этом, червь сомнения точил его. А вдруг начальство подумает по-иному?

С чувством облегчения пошёл на доклад к начальнику, когда тот приехал с утра. Всё же чрезвычайное происшествие. Весь доклад тот промолчал, а в конце сказал:

– Жди на месте! Никуда не отлучайся!

И никаких эмоций. Ни слов одобрения, ни осуждения. Явно требовалось доложить начальнику отдела и услышать реакцию от него. Шеф совсем недолго сидел на своей должности, чтобы иметь собственное мнение на этот счёт. У них такое не практиковалось.

Ждать пришлось прилично. Борис знал, что подобные события у них происходили не каждый день, и рано или поздно его выдернут. Но пауза затягивалась, и он начал по-настоящему нервничать.

– Да, сделала, всё сделала!

Когда он позвонил Карине, в её голосе слышалось реальное раздражение из-за того, что ей пришлось самой заниматься ребёнком. Чуть, было, не сорвался, чтобы ответить в том же духе, что, мол, это – его работа и так далее, но вовремя прикусил язык. Всё же на службе, и не стоило бы го-

ворить подобное по телефону. Раньше такого с ней не было. А что предстоит в Америке?

Наконец, зазвонил внутренний телефон, и Борис с облегчением вздохнул. Хотя бы будет какая-то определённая. К его удивлению это оказалась секретарь зам. директора по операциям. Ему приходилось пару раз его видеть, когда собирались расширенные совещания, куда приглашался весь оперативный состав, но вот такой персональный вызов случился впервые.

«Происходит что-то необычное», – думал он, приглаживая волосы перед зеркалом в туалете и поправляя пиджак прежде, чем подняться на этаж к начальству.

«Хотя, если бы захотели врезать, то не вызывали бы так высоко», – пытался приободрить себя Борис уже в лифте.

В кабинет его пропустили сразу.

– Проходите! Садитесь! – Предложил генерал, когда он по форме доложил о прибытии.

Перед ним за столом сидел его непосредственный шеф с каменным лицом и ещё начальник его отдела.

– Борис Сергеевич! – Начал заместитель директора. – Нам пришлось подправить шифровку, которую вы отправили ночью.

У него появилось нехорошее чувство. Неужели ошибка?

– Поторопились.

– Но я действовал по инструкции, – пытался оправдаться Борис.

– Конечно, по инструкции, – поморщился генерал. – Но в будущем предварительно согласовывайте свои действия с руководством! Инструкция не может предусмотреть все моменты. Это как раз один из тех случаев.

Обнадёживало, что у него есть будущее.

– Мы тут посоветовались и решили, что «коридор» для Артура остаётся наготове, а сам он ещё посидит и поработает.

Это было совершенно непонятно. Как парень будет работать, если он «под колпаком», но Борис решил промолчать.

– У нас, ведь, нет данных, как он определил, что за ним следят?

– Нет, – подтвердил Борис. – Только сигнал тревоги.

– В том-то и дело. А если ему показалось? С ним имеется неопределённость. Он, ведь, у нас рекордсмен. Мы активировали много «спящих», но чтобы после двадцати лет...

Генерал помолчал и потом продолжил:

– И его сразу же засекли, и теперь нам предстоит вытаскивать его оттуда, и перевозить сюда.

Опять молчание, и Борис решил вставить:

– Но, может быть, новичка нам подставило ФБР, и через него они вышли на Артура?

И тут же нарвался на предостерегающий взгляд своего начальника, который до того безучастно глядел мимо.

– Да. Один из вариантов, – подтвердил генерал. – Но вы можете на данный момент сказать, что это действительно так?

И ответил сам себе:

– Не можете. Поэтому мы посоветовались и решили, что до тех пор, пока мы не будем точно знать, как обстоят дела на самом деле, он остаётся на месте. Будем ожидать их следующего хода. А «коридор» для него остаётся наготове. Общая ситуация ясна?

Пришлось подтвердить, что да, хотя это было не совсем так.

– Теперь о вашей задаче.

Наступало самое интересное.

– Вы будете продолжать оперативные мероприятия, как будто ничего не случилось. Произошла ошибка. И вам поручается выяснить, что стоит за всей этой историей на самом деле. Действуйте! Проявляйте инициативу! Докладывайте своему непосредственному руководителю! – Кивок в сторону его шефа.

– Ну, и я должен быть в курсе происходящего.

Это уже предназначалось начальнику его отдела.

А что за ситуация на самом деле до Бориса начало доходить, когда они вдвоём со своим руководителем в полном молчании спускались на свой этаж. Начальник отдела остался наверху. В его представлении они просто опасались Артура. Своими руками привезти сюда потенциального агента ФБР? Да, ещё и пропустить его через «коридор»? Такое им не простят. Поэтому они его просто бросили, прикрываясь фразами о выяснении всех обстоятельств. И использовали

для этого Бориса. Если Артур на самом деле работал на ФБР, то те будут продолжать играть с их конторой. Со временем, видя, что ничего не происходит, им надоест, и вся история потихоньку заглохнет сама по себе. А вот если он на них не работал, то Артуру мог грозить реальный срок. И большой. Но кто об этом здесь будет думать? Каждый подкладывал соломку под себя.

– Пошли ко мне! Есть, о чём переговорить.

Пришлось идти за своим начальником в его кабинет, чтобы разработать план, как будут избавляться от Артура. И его руками.

Центральное разведывательное управление США.
Отдел России и Европы.

Первое, что бросилось в глаза, это – отсутствие пакета на столе. И ещё удивил его собственный начальник, Макриди, который сидел, откинувшись в кресле с руками, сцеплёнными за головой, и глядя куда-то в потолок. Совсем не так, как в прошлый раз. И Джон уловил сигнал. Если раньше он был один на один с фебеэрешником, и тот занимал нейтральную позицию, то теперь нет. Поэтому оставалось лишь поудобнее устроиться в кресле, стараясь придать лицу скептическое выражение.

– Джон! Ситуация изменилась. Мы переходим на новый уровень.

Феюеэрешник вглядывался ему в лицо, а Джон упорно отводил глаза.

– Тебе с последней закладкой передали компьютер. Русские решили перейти на более цивилизованный способ передачи информации.

Джона действительно удивил вес последнего пакета. В тот день он подумал: «Денег что ли много положили?»

Он продолжал молчать, и старался не встречаться взглядом с фебеэрешником. Макриди не менял позы.

– Теперь тебе не придётся таскаться по паркам. Будешь сидеть в комфортной обстановке, пить кофе и стучать по клавишам.

Он не выразил эмоций, и фебеэрешник явно начинал заводиться.

– Тебя не надо учить, как с ним обращаться?

Джон лишь пожал плечами. Мол, чего задавать глупые вопросы.

– Мы дадим тебе график, где и в какое время тебе следует находиться, чтобы передавать информацию.

– Если моя жена не будет возражать, что я отлучаюсь по выходным, – в первый раз подал голос Джон.

Макриди впервые оторвался от наблюдения чего-то на потолке и с интересом посмотрел на него. А фебеэрешник уже почти светился ненавистью.

– Джон! Напомнить тебе, что ты давал клятву служить родине? Пришло время выполнять её.

– Но моя жена не давала такой клятвы. Как быть с этим?
Фебеэрешник взглянул за помощью к его шефу, Макриди.

Тот медленно вернулся в окружающую его действительность и произнёс с расстановкой:

– Джон! Я надеюсь, что ты ей объяснишь, что выполняешь важную миссию в интересах своей страны, и она поймёт.

Прозвучало неубедительно. Он знал Макриди и все его интонации. Просто где-то там, наверху, два директора договорились между собой, и шефу, согласно полученным инструкциям, приходилось говорить правильные слова, что он и делал. Даже не говорить, а просто выдавливать их из себя.

– Я попытаюсь ей объяснить, – Джон демонстративно обращался к Макриди.

Теперь предстояло преподать урок фебеэрешнику:

– Что ещё мне требуется сделать для вас?

Сделал ударение на «для вас» и изобразил на лице внимание. И тот понял.

– Джон! Мы вместе работаем на благо этой страны.

Тут они впервые встретились взглядами, и он вдруг понял:

«А, ведь, у него что-то не складывается, и идёт не так, как задумали. Поэтому он так и злится».

– Давай преодолеем ведомственные барьеры! Мы должны выступать объединённым фронтом перед лицом наших врагов. Правда?

Против подобного довода не находилось аргументов, по-

этому приходилось с ходу соглашаться и с готовностью кивать головой. Вот только это была их игра, а его использовали лишь в качестве статиста. Аплодисменты в случае успеха достанутся не ему, а ФБР. И напрягался его собеседник не ради родины, а думая в первую очередь о своей карьере. И чего же Джон должен ради него стараться? На его собственной карьере это никак не отразится. В их конторе никто не будет принимать во внимание время и усилия, потраченные на соседнюю организацию. Своих-то он знал.

– Тогда к делу! – Провозгласил фебеэрешиник, посчитав, что вводная часть завершена, и извлек нетбук. – Работаешь в зоне действия WiFi! Держи дома, так как они могут в последний момент дать сигнал, куда следует ехать! В этом случае наш человек будет забрасывать тебе флешку с материалом.

Джон подумал, что теперь ситуация только ухудшилась. Опять: «Пойди туда-то и сделай то-то!» Но на этот раз ещё какой-то тип будет являться к нему домой. Что ещё может придти им в голову в будущем? И что подумает его собственная жена?

– Джон! От тебя будет зависеть успех операции. Не подведи!

Как разительно изменился его тон с прошлого раза! Теперь он просто заискивал перед ним.

«Здорово тебя припёрло, парень! Поставлен под угрозу карьерный рост?»

Но лицо Джона ничего не выразило. И не посчитал нужным отвечать придурку. Молча, сгрёб со стола машину и вопросительно взглянул на своего начальника. Тот кивнул.

– Весёлых выходных! – Пожелал Джон ему персонально, и начальник приветливо кивнул в ответ.

Направляясь к двери, сказал через плечо:

– И не надо предупреждать меня, чтобы не потерял!

Это предназначалось сотруднику организации, с которой их объединили в рамках суперминистерства после 11 сентября.

А вот теперь следовало смыть с себя грязь и отключиться. И когда он сел за руль, то автопилот в мозгах повёл его в единственное место, которое он знал, хотя и не очень уважал, но где полагалось появляться по пятницам таким, как он. Войдя внутрь, он не удивился, сразу же заприметив Рут Рушковски в компании каких-то мужчин, которых он не знал.

«Значит, ещё не поймала себе мужика для долгосрочных отношений», – подумал с удовлетворением, отправив внутрь двойной залп водки прежде, чем заказать пиво.

Сегодня ему требовалось, чтобы кто-то разделил с ним радость, как он уделал фебеэрешника за прошлые унижения, и он пристально взглянул на компанию за столом и послал мысленный сигнал. И она его восприняла. Не прошло и пары минут, как сзади раздалось:

– Джон Дашков!

Он медленно оторвался от стойки бара и изобразил на лице удивление.

– О, Рут! Что ты тут делаешь?

Она оторопела.

– То же самое, что и ты.

– Совсем не то же. Я праздную. Ты где живёшь?

– В Тимберли-парк, – ответила она, глядя на него с усмешкой.

Джон мысленно прикинул. Совсем недалеко и прямо рядом с кольцевой дорогой. Очень удобно, чтобы потом быстро домчаться до дома.

– Бой-френд, гёл-френд?

Она опасливо посмотрела по сторонам.

– Рум-мейт, но у неё любовь, и она сегодня не появится.

А в него словно дьявол вселился.

– Да здравствует рум-мейт, у которой любовь! Мы едем в Тимберли-парк. За мной бутылка итальянского вина.

Она опять почему-то огляделась по сторонам, а потом сказала:

– Знаешь? Так нагло меня ещё никто не снимал.

– Ну, теперь ты знаешь, как это надо делать.

– Вопрос в том, знаешь ли ты, зачем это делаешь?

Для себя он знал. Его слишком долго унижали. И собственное начальство, а сейчас ещё и ФБР. Ему просто требовалось опять ощутить себя мужиком, самцом. Ну, не с собственной же женой доказывать самому себе, кто он есть на

самом деле? Такое полагалось доказывать на стороне.

– Ты уже допила своё пиво?

Она кивнула.

– Тогда поехали! Твоя машина на стоянке?

Получив положительный ответ, скомандовал:

– Жди меня там! А мне надо отлить.

Не хватало ещё, чтобы увидели, что он отчалил вместе с Рут Рушковски. Здесь все и всё замечали.

Сентрвилль, штат Виржиния, США

Их городок был тихим. Здесь мало, что происходило. Не то, что в больших городах, таких как, например, в ближайшем к ним Вашингтоне или Балтиморе. Кого там удивишь тем, что подросток накурился марихуаны? Но у них это было темой для осуждения, и нанятый им адвокат всячески пугал, что судья может по-всякому посмотреть на этот случай. От простого штрафа до тридцати дней тюрьмы. Девочка была подростком, и возраст, конечно, должны принять во внимание. Но у Свена было тяжело на душе. А что, если тюрьма? О дальнем размышлять не хотелось.

Плюс собственная ситуация. Сидел и ожидал сигнала, чтобы сорваться, бросив всё. Кому охота сесть? Как его в своё время обучили в бывшем КГБ, придётся рвануть по «коридору». В то время использовали Канаду. Но это было много лет назад. А как поступали сейчас?

Однако прошло уже несколько дней, а там молчали. Каждое утро Свен просыпался в пять утра и лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам с улицы. Обычно ФБР приходило рано утром, чтобы взять кого-то. Потом брёл на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь поесть, всё ещё поглядывая в окно. Затем появлялась с работы жена, говорила вместо приветствия: «Господи, как я устала! Как мне всё надоело!» Выхватывала у него что-то пожевать, наливала себе бокал вина, без которого не могла уснуть, и направлялась в спальню со словами: «Чтобы никто не шумел, а то я за себя не отвечаю!»

Свен и сам мог бы подписаться под тем, что всё смертельно надоело. Сонный город, чьи-то поломанные автомашины, дом, в котором прошло почти двадцать лет жизни, и который состарился вместе с ним. Он же инженер по электронным системам, а копается в грязных двигателях старых колымаг. Что он видел за все эти годы? После женитьбы ещё выезжали на озёра, чтобы там порыбачить, потом даже это прекратилось. Дети, работа, выплата кредитов. Даже ни разу не съездил в соседний Вашингтон, чтобы как простой турист побродить по городу, зайти в конгресс, в музей.

Жаль девчонок. Как-то не сложилось. Сначала всё пошло наперекосяк с женой, ну, и они, глядя на их отношения, стали отдаляться. А теперь у них своя жизнь, куда ему хода нет. Свен не жалел ничего из того, что придётся тут бросить, кроме них. Особенно сейчас, когда старшая попала в подобную

передрыгу. Если ему сегодня вдруг дадут сигнал, то как он её оставит? Жена поорала пару дней после того случая, а потом заявила: «Ну, вот теперь пусть с тобой разбирается твой папочка! Я тут тянула дом все эти годы, а сейчас настала его очередь». И после этого умыла руки и сказала, чтобы больше её не тревожили.

– Па! Ну, чё там с адвокатом? – Всего лишь однажды поинтересовалась дочка.

Свен стал объяснять, что требовалось собрать письма от тех, кто её хорошо знал, в которых они бы положительно её охарактеризовали. Юрист уверял, что судьи это любят. Хорошо, если бы это были её учителя.

– Ты что? Они же недоумки, – был ответ.

Свен понял, что с письмами может быть провал. Он, конечно, знал соседей по именам, но не настолько, чтобы просить их написать в суд. Жена была с ними в лучших отношениях, чем он, но пока палец о палец не ударила, чтобы помочь девчонке.

И тут пришёл сигнал о связи. Свен, сторбившись, сидел в кресле и смотрел на свои сцепленные руки. Как же так? Именно за несколько дней до суда. Но с другой стороны, лучше получить срок? Ему уже почти пятьдесят. Впяют лет двадцать в федеральной тюрьме, а там нет амнистий или условно-досрочного. Отсидишь от звонка до звонка. Сколько ему будет, когда выйдет? Если, вообще, выйдет. Внуки будут в нынешнем возрасте его дочерей.

Времени до сеанса давали мало, поэтому стал собираться, чтобы найти подходящее место. Было обеденное время, поэтому потенциальных клиентов не удивит, что его мастерская закрыта в это время. А вот для тех, кто его пасёт? Свен никогда не отлучался, чтобы перекусить. Но ничего не оставалось делать, и приходилось следовать инструкциям из Москвы.

Не торопясь, поехал на своём грузовичке по маршруту до ближайшего ресторана из сети Вендис и встал в очередь под указателем Drive thru. По дороге поглядывал в зеркальце заднего вида, но не обнаружил ничего подозрительного. Хорошо маскировались?

Комп, который ему передали, тут же поймал WiFi ресторана. Но чтобы его не засекли, Свен, как предусматривала инструкция, соединился с адресом прокси сервера, полученным из Москвы. Но связи пока не было. Сзади пристроился какой-то седан, но он его не заметил по время поездки.

Свен благополучно сделал заказ и проехал в очередь для получения своего пакета через окошко выдачи. В этот момент он увидел на экране, что произошло соединение. Это было так неожиданно, что он даже вспотел.

«У нас есть две минуты. Почему вы дали сигнал?»

Прошло какое-то время прежде, чем он осознал прочитанное. Текст был на русском языке, а для него это было проблемой. Двадцать с лишним лет он ни слова не сказал по-русски. Поэтому набрал на клавиатуре по-английски:

«Признаки внешнего наблюдения, плюс детектор сработал перед «ящиком».

Секунды шли, но ответа не было. Там, видимо, совещались.

Свен передвинулся на следующую позицию в очереди для получения своего пакета.

«Камеры наши. Читайте инструкцию!»

Свен стал читать, медленно двигаясь к заветному окошку.

«Сеанс закончен. Ничего не оставляйте в памяти и немедленно покиньте это место!» – пришло из Москвы, и там отключились.

Он поблагодарил девочку в окне раздачи заказов и тронулся, всё ещё под впечатлением того, что произошло. Свен напрямую общался с Москвой. Впервые за двадцать с лишним лет. Но чем дальше он отъезжал от Вендис, тем больше он был озадачен полученной инструкцией.

«А как же те двое, которые посетили меня и разыграли спектакль с поломками?»

Ну, не мог же он ошибиться! Они оба не вписывались в категорию его клиентов и явно были приезжими. И на вопрос, кто они были на самом деле, напрашивался только один ответ. А в подобных случаях полагалось исчезнуть. Так его учили. Почему же тогда ему приказывают продолжить работу? И говорят, что использование электроники его обезопасит. Какая, к чёрту, безопасность, если его пасёт ФБР? Уж, они-то найдут способ заглянуть ему через плечо, чтобы

узнать, что он там мудрит со своей электроникой.

Подъехав к дому и вспомнив о текущих проблемах, попытался успокоить себя, что, мол, может быть, из Москвы виднее, что происходит вокруг него. Они могут знать то, что неизвестно ему. И ещё у него появлялось время, чтобы заняться адвокатами и судами. Но так и смог убедить себя. Мысль о том, что происходило нечто, что не вписывалось в обычный порядок вещей, не покидала его.

А дома его встретила жена, у которой был выходной, и швырнула на стол пару листков бумаги. И она явно была во взвинченном состоянии.

– Ничего не можешь сам сделать. Всё свалил на меня.

Это были письма для судьи.

Дочь в это время стояла на кухне и безучастно жевала какую-то булку. Говорить ей о том, что у неё и так избыточный вес, было бесполезно. Здесь никто его не слышал. В этом доме, вообще, никто и никого не слышал. Это был дом глухих друг к другу.

– Меня не ждите! – Прокричала жена, и за ней захлопнулась дверь.

А он подумал, что её действительно здесь никто не ждёт. Ни он, ни её собственная дочь, которую, как казалось, ничего не волновало. Даже собственное будущее. На данный момент булка была важнее.

Свен повернулся, вышел из дома и пошёл в сторону своей мастерской. Там был его мир, в котором он чувствовал себя

комфортно, несмотря на камеры, которые, очевидно, поставили в мастерской фебеэрешники.

«Ну, вот так проходит ещё один день моей жизни в городе Сентрвилль, штат Виржиния, – думал он, когда брёл к месту своей работы. – Всем на меня наплевать. И здесь, и в Москве».

Служба внешней разведки России.

Отдел США

Борис оторвался от экрана.

– Всё. Время вышло.

– Ну, и чудесно! – Была реакция его непосредственного начальника. – Не понадобились все твои вопросыки.

Акцент был явно сделан на «твои».

«Скотина», – подумал о нём про себя Борис.

Для сеанса связи он два дня готовил ответы на все возможные вопросы, которые мог бы задать Артур за те две минуты, которые отводились ему на связь с Центром. Даже о его родственниках. Тот уже десятилетия не был на прямом контакте с СВР, раньше с КГБ. Конечно, Борису хотелось доказать всем, на что он способен. Именно поэтому он схитрил и принёс начальнику свой документ за полчаса до сеанса связи, сказав, что это – простая «шпаргалка», и не оставив тому время для согласования и утверждения. Начальник всё ещё всего боялся. Он просто забрал написанное, чтобы

иметь контроль над тем, что Борис будет передавать, и во время сеанса всё время заглядывал ему через плечо. Но вместо диалога Артур вдруг взял паузу и исчерпал отпущенное ему время, и в результате доказать то, на что он способен, Борису так и не удалось.

«Ну, и чёрт с ним! – Подумал тогда со злостью. – Было бы, кому доказывать».

А начальник, между тем, не унимался:

– Значит так! Продолжим в том же духе!

В его понимании начальник был косноязычен, и не отличался особыми способностями. Единственным объяснением, как он смог подняться одной ступенькой выше в должности, было наличие «руки» где-то в руководстве. Их организация не была исключением в государственной машине. Борис знал это из собственного опыта. Без тестя-хозяйственника он никогда бы не попал сюда после военного Иняза.

– Будешь играть с ним и делать вид, что всё идёт путём!

Борис продолжал смотреть в одну точку, которая находилась на стене за спиной начальника.

– Каким путём? – Изобразил он тупого.

– А таким, что мы всему верим, – начал выходить из себя его руководитель.

– Ну, а если он просто передаёт то, что ему подсовывают в тёмную?

Борис, таким образом, пытался подавить в себе чувство, которое вызывал его собеседник.

– Передаёт, не передаёт. Тебе-то какая разница? Он что? Твой родственник?

– Для меня не понятна одна вещь. Почему он сообщил о камерах над «ящиком»?

– А просто, чтобы попасть сюда. Такая вот задумка. Ещё не понял?

Начальник уже был по-настоящему раздражён, и Борис решил больше не испытывать судьбу. Кто-кто, а он мог нагадить перед командировкой в Америку, если бы пожелал.

– На Лубянке имеется такое же мнение, – услышал он в конце разговора.

А вот теперь всё становилось на свои места. Если бы Артур появился здесь, то с ним пришлось бы заниматься ребятами из ФСБ. Чем он дышит? Чем занимается? Работает на американцев или нет? А нет человека, и нет проблемы. Оставляя его там, они просто снимали с себя головную боль. И его непосредственный начальник просто выражал позицию, которую выработал их ещё больший начальник, пообщавшись с соседями – с ФСБ. Теперь все будут довольны и спать спокойно, кроме него, потому что имелась одна маленькая деталь. Это было зафиксировано документально? Естественно, что нет. Переговоры начальников между собой к делу не подошьёшь. А если завтра Артура возьмут в Америке? И именно перед каким-нибудь саммитом или встречей двух президентов? Кто виноват? Он ещё помнил чистки, которые последовали после того, как взяли группу, которую

сдал полковник Потеев. Опыт показывал, что он сам будет первым кандидатом на вылет в случае осложнений. На нём отыграются по полной программе. Тем более, что от Артура пришёл сигнал о камере видеонаблюдения над «ящиком», а они его заставили соврать, что это была их аппаратура. Этот приказ тоже нигде не зафиксирован. Его начальник от всего открестится. Это, уж, точно. И тогда какая Америка? Кем он устроится, если турнут? Тут никакой тесть не поможет. Он уже давно в отставке. Придётся наниматься охранять какой-нибудь супермаркет. Стоять на выходе в здоровенных бутсах и в чёрной униформе.

– Задача ясна? – Вернул его в это мир строгий голос начальника. – Тогда вперёд! Действуй!

Разговор был завершён, и Борис поднялся.

– Да, кстати! – Начальник сделал вид, что вспомнил. – Ты когда уезжаешь?

Этот вопрос он задавал с завидной регулярностью.

– Ещё не знаю, – ответил Борис, что было правдой.

Кадры, как всегда, темнили.

Направляясь к себе, просчитал, что интерес начальника, скорее всего, связан с тем, что он намеревался кого-то устроить на это место в случае его отъезда в командировку в Америку. А вот будет ли это ему по силам? Со злорадством подумал, что тут могут быть задействованы люди со звёздами на погонах и покруче, чем у его выскочки-начальника. Уж, он-то знал от своего тестя-полковника, как тому пришлось

повертеться, чтобы пристроить самого Бориса в их организацию. Да, ещё и в отдел США. А это было несколько лет назад! Сейчас ставки уже другие.

«Потянешь такое, начальничек долбанный?»

Хотя кто его знает. Может быть, и потянет. В последние годы у них много чудного происходило с карьерными перемещениями некоторых сотрудников. Как и везде в госаппарате.

Когда пришёл к себе, на дисплее высветился телефон Карины. Она звонила, пока он был занят. И тут были свои проблемы. Даже не с её работой, о которой она так беспокоилась. Проблема заключалась в ней самой. Борис считал, что он знал о жене всё, но, как оказалось, ошибался. «А как там будет с...?» И так десятки вопросов в день об их будущем проживании в Америке. Он раздражался, потому что приходилось по несколько раз объяснять очевидное или отвечать, что, мол, разберутся на месте. Но чем дальше, тем больше задавалось подобных вопросов, и тем более нервной становилась обстановка в семье. Дочка чувствовала напряжение, и начинала капризничать. Атмосфера стала просто взрывоопасной. Об этой непростой ситуации задумался Борис прежде, чем набрать номер жены.

– Ты приедешь? – Был первый вопрос.

Он всегда приезжал, чтобы забрать её с работы и дочку из продлёнки. С этим не было проблем. Или почти никогда не было. Зачем спрашивать? Но подавил раздражение и попы-

тался сделать так, чтобы его голос звучал обыденно:

– Конечно. Как всегда.

Ответом было молчание. Она отсоединилась.

«Да! Дела. Раньше такого не было».

Борис в раздумье положил трубку на место.

Она явно нервничала. Такая резкая перемена всего уклада жизни. А Карина этого не любила. Чувствовалось, что каждый раз она просто заставляла себя выйти из их хотя и маленькой, но такой уютной в её понимании квартирки, чтобы пойти в гости или ещё куда-то. А, уж, поездка на отдых к морю на две недели вызывала просто чувство страха. Единственный аргумент, который на неё подействовал в том случае – они едут ради дочки. Там она считала дни до возвращения домой. А тут надо переезжать в другую страну и на три года. Борис видел, что её начинало просто трясти от подобной перспективы. Все её разговоры о потере любимой работы были лишь прикрытием, чтобы не показать ему, как её ужасает подобная смена обстановки. И, уж, он помалкивал, с какими ограничениями ей придётся столкнуться там, в Штатах, когда её жизнь будет строго регламентирована. В их организации ходило много баек о жёнах сотрудников, командированных за границу, и о том, где потом оказывались мужья провинившихся. Хотя кое-кто довольно потирал руки. Вакансия появилась, чтобы пропихнуть своего.

«Ну, и что мы будем делать? Плыть по течению и смотреть, куда оно нас вынесет?»

На данный момент других вариантов не просматривалось, и требовалось приступить к текучке, чтобы вовремя выехать и забрать Карину. Она приходила в бешенство, если приходилось пользоваться общественным транспортом. Борис и так потерял полдня на общение со своим начальником и на разговор с Артуром, который оказался бессмысленным. Что с ним делать уже решили между собой наверху, и ему оставалось лишь делать вид, что всё в порядке. «Он что? Твой родственник?» Так выразился его начальник.

«А ведь действительно. Кто он мне?»

Центральное разведывательное управление США.
Отдел России и Европы.

Джону долго пришлось выждать, пока Марк оторвётся, наконец, от своего монитора, чтобы передохнуть. А причиной был его начальник, который вдруг вызвал его в свой кабинет по какому-то незначительному поводу. Одно это настораживало. Они видели его, в основном, на брифингах раз в неделю, на которых он производил накачку, а в остальное время обменивались бесконечными меморандумами через электронную сеть. Подумал, что, скорее всего, опять возникли ребята из ФБР.

– Слушай, Джон! – Перешёл Макриди к вопросу, ради которого, очевидно, он ему понадобился. – Ну, ты, в общем-то, правильно ведёшь себя с теми ребятами.

Он выразительно кивнул на стенку, и Джон понял, что его предположения о причине вызова подтвердились.

– У них свои проблемы, а у нас свои, – продолжил его руководитель. – Делай, что говорят, но инициативу не проявляй!

Джон подумал, что ради этого не стоило вызывать его в кабинет, и не ошибся. Разговор продолжился.

– А не пора ли тебе поработать «в поле»?

Это было неожиданностью. Так у них называлось пребывание на их «станциях», расположенных по всему миру, в основном, под крышей посольств.

– Москва? – Предположил он.

– Ну, конечно. Где же ещё?

Они оба замолкли на какое-то время.

– Там у нас освобождается одна вакансия. Подумай! Пора тебе оторвать задницу от кресла и погулять по свету. В карьере это всегда учитывается. И платят там хорошо.

Видя, что Джон не отвечал, продолжил:

– Подумай! Но не тяни! Время начинает поджимать.

И неожиданно сменил тему:

– Кстати! У тех, – и он опять кивнул на стенку, – хорошее мнение о твоих способностях.

Разговор был окончен, но оставил много вопросов. И вот теперь, чтобы получить ясность по одному из них, он стерёг Марка. Конечно, подобные разговоры лучше вести за пивком, однако Джон никогда не видел его в «Крокусе», поэто-

му приходилось довольствоваться общением на работе. Наконец, тот оторвался от работы, отъехал в кресле, вытянул ноги и застыл с руками, сцепленными за затылком.

– Марк! Как ты можешь в двух словах охарактеризовать работу в Москве?

Тот с трудом оторвался от созерцания чего-то в пространстве и медленно повернул к Джону своё удлинённое лицо. В глазах насмешка, на губах кривая ухмылка.

– Что? Получил предложение, от которого нельзя отказаться?

– Отказаться всегда можно.

– Можно, – подтвердил он. – Но стоит ли? Начальство этого не любит.

– И всё же. Как в Москве?

Марк задумался.

– Тебе бы понравилось быть букашкой, которую всё время рассматривают под лупой?

Не дождавшись ответа, продолжил:

– Русские наблюдают, чтобы зацепить на чём-то. Это – их работа. ФБР рассматривает на предмет, не зацепили ли они тебя. Тоже работают. Плюс собственная контрразведка и твой непосредственный начальник, чтобы потом с него не спросили, как это он проглядел, что тебя зацепили. И все при деле. Деньги за это получают. И всё за то, что присматривают за тобой.

Марк продолжал насмешливо глядеть на него.

– И налево не сходить и не выпьешь, с кем хочешь. Дипломаты на тебя смотрят свысока. Ты не из их круга, а пришлый. А свои до чёртиков надоели на работе, чтобы ещё пересекаться с ними потом. Ну, как? Нравится?

Он сделал жест: «Вот так, мол».

– В каком-нибудь долбанном Кишинёве и то лучше. Кому мы там нужны?

И, уже придвигаясь обратно в столу, добавил со злорадством в голосе:

– Готовься!

Разговор был окончен.

Джон делал скидку на то, что в Москве у его соседа не сложились отношения в семье, поэтому он обозлён и на город, и на весь остальной мир. Однако кое-что из того, что сказал Марк, он уже в той или иной форме слышал и раньше от тех, кто поработал в России. А, уж, упоминание о ФБР напомнило ему о втором вопросе, который засел в мозгу. Насторожила фраза, которой начальник завершил разговор. Почему она прозвучала? И совсем некстати. Про «тех» и об их высоком мнении по поводу его способностей. Возникал вопрос, а не означало ли это, что ни кто иной, как «те» могли инициировать его отправку в Москву. И причиной являлось лишь желание продолжить свои игры с русскими, используя его, как болванчика. Ведь до недавнего времени не было никаких разговоров о поездке. Что? Опять будет происходить то же самое, только за границей?

Настроение было совсем скверным, и Джон едва дождался пятницы. Прошлая завершилась феерически. Рут оказалась большой искусницей. Не очень красивая, с несколько нескладной фигурой, но она заводила в постели так, что он потом сам удивлялся своей прыти. Даже не ожидал от себя таких способностей. Когда отдышался, в голове зашевелилась мысль о том, который час. Но никак не мог заставить себя подняться с постели. Как будто угадав, о чем он думает, Рут сама спросила:

– Тебе уже пора?

– Думаю, что да. Но совсем не хочется. – Сознался он.

– Давай! Топай! Я не хочу разрушать твоё семейное гнездышко.

– А откуда ты знаешь, что я женат?

– Это нетрудно. У вас, у всех испуг в глазах.

Он сделал вид, что это его развеселило, но на самом-то деле порадовался, что она не стала создавать никаких проблем.

По пути домой заскочил и купил банку пива, которую быстро высосал перед тем, как подъехать к дому, чтобы потом правдиво выглядело объяснение причин задержки. Мол, засиделся с друзьями. Там было жарко и шумно, поэтому снял пиджак и не услышал её звонка. Видел на дисплее, что жена набирала его один раз. В ту пятницу пронесло, и она не стала задавать неудобных вопросов. Потом лежал в темноте и улыбался, припоминая приключение.

И вот теперь направился напрямиком в «Крокус», потому что требовалось доказать самому себе, что он чего-то стоит. Когда уходил от неё, Рут сказала: «До пятницы». И вот теперь, наконец, наступила пятница, и эта девочка была ему очень нужна.

И она появилась. Но значительно позднее, чем он предполагал. За эти полчаса Джон успел опрокинуть пару рюмок водки и допивал пиво, наливаясь злостью. Стоял в компании ещё двоих парней из секции восточной Европы и пытался поддерживать ленивый трёп на тему перспектив субботнего матча.

Он сразу же увидел её на входе, но не стал торопить события и решил сосредоточиться на теме разговора. Выждав пять минут, отвалился от парней, чтобы заказать ещё пивка и осуществить свой замысел, ради которого пришёл. Но Рут проигнорировала мысленный сигнал, который Джон ей послал, уставившись на неё, когда стоял, облокотившись на стойку бара. А она была в компании ещё двух женщин и что-то оживлённо с ними обсуждала. Джон опять стал наливать злостью. Решила с ним поиграть? Наконец, она оторвалась от беседы, обвела взглядом зал и, завидев его, подняла бокал в знак приветствия. Но на этом всё закончилось, и она вновь повернулась к собеседницам.

«Играет. Точно играет».

А, между тем, время шло. И быстро. Вернее, его оставалось всё меньше и меньше. Не хотелось бы потом лететь пу-

лей домой, как это было в прошлый раз. Штрафы за превышение скорости зашкаливали. Поэтому Джон со своим пивом прошествовал к компании и воскликнул:

– Привет, Рут!

Потом обвёл взглядом двух других женщин. Рут не стала его представлять, и они всё поняли, отвернулись и продолжили беседу между собой.

– Ты уже заканчиваешь со своим пивом?

– Совсем нет. Я хотела бы ещё здесь покрутиться.

– Ищешь свой шанс?

– Он всегда имеется. Столько мужчин!

– Один из них сейчас стоит перед тобой.

– Ты не шанс. Ты – развлечение.

– Ну, так развлекись сегодня! Разве тебе не понравилось в прошлый раз?

– Почему же! Было неплохо. Только быстро. Я так не люблю.

Ему стала надоедать игра в слова. Шло время.

– Рут! Ты мне нужна сегодня. Давай свалим отсюда!

– Ого! Так ты скоро и в любви начнёшь признаваться.

Она уже откровенно над ним смеялась. Такого он сегодня не переживёт. Он что? И здесь будет лузером?

– Давай завтра! – Одна мысль пришла ему в голову. – У меня будет одно дельце с утра, а потом мы где-нибудь пообедаем.

Действительно перед уходом с работы его начальник,

Макриди, передал ему флешку с информацией, которой предстояло скачать русскому агенту в субботу. Даже не передал, а, молча, швырнул, а фебеэрезник ещё и сказал вслед: «Будь на месте вовремя!», как будто Джон когда-нибудь опаздывал. Уходя, он даже не удосужился попрощаться с ними, настолько был взбешён. Теперь, вспомнив об этом, понадеялся, что вся процедура завтрашней передачи не займёт много времени.

Ему показалось, что Рут была искренне удивлена.

– Ну, это уже звучит серьёзно. Придётся согласиться.

– Будь готова! Я тебе позвоню.

Оставаться здесь дольше было выше его сил. Он, не отрываясь, допил своё пиво и бухнул пустым бокалом о стойку так, что стоящие рядом женщины испуганно вздрогнули. После этого не оставалось ничего другого, как повернуться и молча направиться к выходу, по дороге проклиная ФБР, собственное начальство, русских и, вообще, всё на свете.

Сентрвилль, штат Виржиния, США

Вот и наступил день суда. Выехали на машине жены, и всю дорогу просидели молча. Дочка безучастно уставилась в окно, как будто ей было очень интересно то, мимо чего они проезжали, и собственная судьба её не волновала. Она в последние дни перед судом так и не задала Свену ни единого вопроса о том, как двигались дела с адвокатом. Приходила

из школы, запиралась у себя, переписывалась с кем-то, болтала по телефону и хихикала. Спускалась вниз, только чтобы быстро перехватить что-то из еды и опять исчезнуть наверху.

«Надо же! И это моя жизнь. Моя нынешняя жизнь. Чем я её заслужил? – Постоянно думал Свен. – Но однажды всё может круто измениться. Запрут в клетку, и там будет ещё хуже».

Зато вдруг разговорилась жена. Давненько он не слышал от неё столько слов в минуту. И все на одну тему. О том, как она устала, и как ей всё надоело. И эта жизнь, и бесконечная работа с противными пациентами и глупыми начальниками, и, конечно же, он сам.

– Ты же ничего не можешь. Ни дома, ни на своей долбанной работе.

Вообще-то, он мог, и вот уже почти двадцать лет как пахал, чтобы платить ипотеку за дом и зарабатывать на жизнь.

– Я теперь больше получаю, чем ты.

Действительно. С началом кризиса дела пошли резко вниз, но вливания из Москвы всё же помогали сводить концы с концами в бизнесе, хотя за это можно было крупно заплатиться.

– И, вообще, ты мне больше не нужен. От тебя нет никакой пользы. Я всё делаю сама.

А вот с этим Свен не мог не согласиться. Это чувство было взаимным. Он сам перестал чувствовать, что ему нужна эта женщина и этот дом. Не говоря уж, об этом городе и о

его работе. Дочки? С его стороны сохранилось чувство, что они – его кровь, его наследницы. Девочки останутся на земле после того, как он уйдёт из этого мира. А они сами? Что они чувствовали в отношении него самого? Скорее всего, ничего. Он стал для них частью обстановки в доме, из которого они мечтали убежать и как можно скорее. Весь вид обоих говорил ему об этом.

«Ну, ты меня доведёшь», – думал каждый раз про себя Свен, отражая наскоки жены, а в большинстве случаев просто игнорируя нападки, что заводило её ещё больше. Ей требовался партнёр для разрядки, а он молчал. Поэтому всю дорогу до суда он тихо радовался тишине в машине. Ведь из неё не выйдешь, как он это делал в доме, чтобы избежать скандалов с женой.

В суде он, кажется, волновался больше всех. Ожидая в зале заседаний своей очереди к судье по делам несовершеннолетних, он вдруг представил себе, как и он будет стоять перед судьёй в арестантской робе, и адвокат будет пытаться доказать недоказуемое, отрабатывая те гроши, которые он получал от государства, так как в Америке полагалось, чтобы у обвиняемого был защитник. Даже передёрнуло от подобной перспективы. Там, в зале заседаний суда, Свен окончательно решил, что предстоит сделать, чтобы лишить их удовольствия запереть его в клетку.

– Нет, ребята. Хер вам, – вдруг вспомнил он русский, который, как ему казалось, уже забыл за столько лет пребыва-

ния в этой стране.

Понадеялся, что произнёс достаточно тихо, чтобы не услышала жена, сидевшая рядом.

Наконец, появился адвокат и плюхнулся рядом на скамейку, отполированную тысячами задниц, которые восседали здесь за десятилетия существования здания суда.

– Я как раз вовремя, – шепнул он, доставая кипу бумаг из портфеля.

Чтобы не обострять ситуацию, Свен не стал говорить, как он перенервничал из-за опоздания юриста. А, уж, количество бумаг вовсе вывело его из себя. Из-за одного джойнта, который курнула глупая девчонка, наплодили столько документов. Да ещё и сделали богаче ублюдка-адвоката, который даже не удосужился придти к назначенному времени.

– Штат Виржиния против Софии Н. Андерсен, – наконец, возвестил служитель суда в форме.

Так, в честь матери, он предложил назвать первую дочку, и жена согласилась, не спрашивая, почему. Самой девочке оно совсем не нравилось, и она велела называть себя как угодно, только не этим именем, что всегда раздражало Свена.

Адвокат резво вскочил на ноги, и, кивнув дочке, чтобы следовала за ним, ринулся к судье, всем своим видом показывая, что он готов к процессу защиты интересов своей клиентки. Он так распрямил грудь, что, казалось, подрос на целую голову. Прокурор даже не удосужился повернуть голову

к новой обвиняемой и начал монотонным голосом зачитывать текст обвинения. Когда закончил, вступил адвокат, напирая на ошибку, которую совершила очень положительная во всех отношениях девушка в самом начале пути, и за которую нельзя карать, чтобы не поломать её дальнейшую жизнь.

«А ведь это – спектакль, который шуты разыгрывают перед аудиторией, чтобы оправдать своё существование. Да, ещё за мои деньги. Адвокату я заплатил, а на содержание суда с меня дерут налоги», – думал в это время Свен.

Между тем, судья прочистил горло и начал читать лекцию провинившейся о том, что ей грозит. Адвокат, понурившись, глядел в пол. Дочка смотрела в пространство перед собой. Все исполняли свои роли в игре в правосудие. Хорошо ещё, что по совету адвоката она надела свитер с длинными рукавами, чтобы прикрыть татуировку, которую успела сделать на плече и на руках, и удалила пирсинг.

«Хоть бы кивала головой, – думал Свен, глядя в спину дочери. – Ну, не стой же ты, как столб!»

Наконец, лекция судьи завершилась, провинившаяся кивнула головой в знак согласия, что никогда больше не будет этого делать, и он отпустил её, тут же занявшись следующим делом. Время поджимало.

Напряжение отпустило. Хотя адвокат и уверял, что по первому разу, как правило, не сажают, но, всё же, переволновался.

Они вышли из зала суда, где адвокат скороговоркой про-

говорил поздравления, пожал всем руки и убежал по коридору.

«Теперь меня ничего не связывает. Теперь я свободен». — Думал Свен, когда они шли к стоянке, где оставили машину.

Дорога домой опять прошла в гробовом молчании. Дочь отрешённо глядела в окно, жевала резинку и, очевидно, тоже тихо радовалась тишине. Но как только вышли из машины возле дома, жену прорвало:

— Ты что? Опять будешь молчать? Ничего не скажешь этой дуре? — Кивнув в сторону дочери, которая безучастно направлялась к дому, чтобы опять там запереться в своей комнате.

Не дождавшись ответа, бросила:

— Ну, молчи, молчи! Тебя ничего не волнует. Ни мои проблемы, ни проблемы с детьми. Давай! Убирайся в свою мастерскую! Только там ты счастлив. Со своими железками.

И прежде, чем за ней закрылась дверь, Свен услышал её вопли, адресованные дочери.

Проблемы этой женщины его давно не волновали. Проблемы детей? Чем он мог помочь? Только деньгами на адвоката. А их внутренний мир был для него закрыт. Как и для матери тоже. Вход для них был запрещён. И ни увещеваниями, ни воплями туда не пробьёшься. Вызывало лишь ответную неприязнь. Но это женщина не понимала одной очевидной истины. Не лезь! Бесполезно. В восемнадцать уйдут из дома, и всё наладится, всё придёт в норму. Только на рас-

стоянии.

А что касается его самого, то тут была проблема посерьёзнее. С железом он уже давно не чувствовал себя счастливым. Требовалось кардинально изменить жизнь. Перед ним реально маячила возможность загреметь лет на двадцать в федеральной тюрьме. А там от звонка до звонка. И, уж, тут ему будет уже не до жены и дочек. Взрослые. Сами разберутся.

Обо всём этом он думал по пути в свою мастерскую. И ещё. ФБР наспиговало его дом жучками или нет? Знает о его неладах с женой? А о том, что они стоят у него за спиной, у Свена не было никаких сомнений. Те двое, мужчина и женщина, которые пытались его разыграть, белый минивен, который исчез сразу же после визита тех двоих и, наконец, «щекотун», который сработал над «ящиком». Вполне достаточно, чтобы смыться, но из Москвы требовали продолжить работу. Его подозрения признали несерьёзными.

В мастерской его ожидала тишина и пыль повсюду. Он бросил поддерживать чистоту, потому что понимал, что или ему самому, или под конвоем вскоре придётся покинуть это помещение. Но, чтобы не уехать в наручниках, приходилось играть свою роль перед камерами, которые они тут понаставили. Для вида повозился несколько минут с машиной, которая стояла на подъёмнике, но посчитал, что настало время обеда, и запер мастерскую. Это было частью игры. Ему предстояло их приучить, что теперь он обедал в рестора-

нах быстрого обслуживания, как и абсолютное большинство американцев. А нелады с женой, о которых, как Свен предполагал, было им известно, объяснят изменение в стиле его жизни. Рестораны теперь ему понадобятся, потому что там есть WiFi, и он сможет незаметно воспользоваться им прямо из кабины грузовичка в течение нескольких минут, пока будет стоять в очереди за заказом. С учётом того, что его пасут, других возможностей не просматривалось. Применение нового способа передачи информации предусматривалось в инструкции, полученной Свеном во время последнего сеанса связи с Москвой.

И сейчас он стоял в очереди к окошку, засекая время, которое у него имелось для подобной операции. На следующий день, в обеденное время в субботу, предполагалось провести первый сеанс, и к нему необходимо быть готовым. От этого контакта многое зависело.

– Добрый день! Что вы закажете на сегодня? – Раздалось из динамика, когда его грузовик поравнялся с окошком заказов.

Служба внешней разведки России.

Отдел США

«Арес – бог войны», – читал Борис в Википедии. И дальше о том, что считалось, что [Гера](#) родила его без участия [Зевса](#) от прикосновения к волшебному цветку. Оказалось, что

Арес был возлюбленным богини Афродиты, а позднее её мужем, которому она активно изменяла. И ещё о многих других эпизодах из жизни греческих богов, насыщенных множеством событий, включая войны между ними, о которых он даже не догадывался.

«Ну, вы даёте, ребята! Оказывается, у вас там такой классный междусобойчик происходил. Прямо телесериал можно ставить серий на сто».

Этот самый Арес возник с утра, когда Борис начал раскладывать по файлам тот «спам», как он его называл, который накануне поступил от Артура. Его источник, да и его самого уже списали, как ненадёжного и соответственно относились к материалам, которые через него поступали. Приходилось перелопачивать копии меморандумов, обзоров и служебных записок, которыми в изобилии обменивались между собой многочисленные американские разведывательные службы. Малоинтересно и не представляло никакой ценности. Последним шёл документ из станции ЦРУ в Москве с кратким изложением информации полученной от агента под кличкой Арес. Там были какие-то цифры, в которые он не собирался вникать, но бросилось в глаза фраза «эффективность в Северной Америке». Потом ещё что-то про Европу. Старый Свет его не интересовал, и Борис вернулся назад, чтобы определить, в какой файл загнать этот документ по его департаменту. Скорее всего, в «экономику» и потом отослать в другие отделы, чтобы там каждый у себя проделал ту

же самую операцию с пометкой «ненадёжно».

«И как эффективность в Северной Америке? Растёт или падает?»

Оказалось, что падает уже в течение нескольких лет. Только не экономические показатели, а эффективность работы их собственной конторы. Показатели деятельности СВР.

Борис смотрел на экран и не видел текста. Вся эта цифирь была ему знакома. Нет. Он, конечно, не мог читать её раньше. Он её просто слышал. И совсем недавно. В голове прокручивалась последняя накачка зам. директора, который их курировал. Точно! Все сотрудники, как и он сам, сидели и смотрели на выступавшего преданными глазами, потому что от генерала могла зависеть их дальнейшая судьба и карьера. А тот начал свою речь с зачитывания некоего документа с цифрами, процентами и прочей мутью, до которой никому не было дела. Борис точно помнил, что начальник держал перед глазами какую-то бумагу. И там содержался вывод, что они стали работать менее эффективно по сравнению с отделами, занимающимися Европой и ещё с кем-то. Только после этого генерал стал говорить о том, зачем их собрали. Была у него бумага! Была!

Теперь – что это был за документ? Борис просто мог предположить, что его составили супераналитики. У них в конторе имелись несколько, ну, настолько заслуженных ветеранов разведки, что их не отправляли на пенсию, а образовали группу, которая числилась консультантами при высшем ру-

ководстве. Чтобы оправдать своё существование, те выдавали время от времени аналитические записки, и их куратор, очевидно, зачитывал одну из них.

Итак, документ, составленный для их высшего руководства, попал в ЦРУ от агента по кличке Арес. Что это могло означать? Вывод напрашивался только один. И причём в высшем руководстве.

Борис уже стал подниматься с места, чтобы пойти и поделиться сделанным открытием со своим начальством, но потом заставил себя сесть обратно. А что тот сделает? Побежит выше, чтобы доложить, что «мы обнаружили» и так далее. В этом у него не было сомнений. Нет. Не «мы», а он, Борис Лавренёв. И эту заявку на авторство следовало соответствующим образом оформить, поэтому он вывел на экране бланк докладной.

Теперь он сидел перед экраном, развлекая себя историями из пантеона греческих богов, и ожидал, что будет дальше. А там маячили два сценария. Первый – он на коне, так как разоблачил вражеского агента в собственных рядах. Ну, а второй – молодой, неопытный сотрудник поддался на провокацию американских спецслужб, которую «мы» вовремя предотвратили. Вот только ему казалось, что он поймал жар-птицу. Уж, очень всё сходилось. И после того, как ушла его докладная, оставалось только ждать звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.